

**"СЕСТРА ПРИ БРАТЬЯХ
НЕ НАСЛЕДНИЦА". ЮРИДИЧЕСКИЕ
ПРАВА МОСКОВИТОК В ВОПРОСАХ
НАСЛЕДОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА**

Козлова О.А.

*Институт этнологии и антропологии
имени Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской Академии Наук*

Вопросом исследования юридических прав русских женщин допетровской России занимались и продолжают заниматься как отечественные (Васецкий Н.А., Мальковская Т.Н., Пушкарёва Н.Л.), так и зарубежные (Alpern Engel, B., Kaiser D. H., Weickhardt G.G.) учёные, которые совершенно объективно пришли к выводу о том, что русской женщине отводился значительное место в законодательстве Московии второй половины XVII века. В своих исследованиях указанные выше авторы не только сумели провести анализ юридического положения русской женщины в обществе, но и подчеркнули её социальный статус как с правовой, так и с этнографической точки зрения. Однако они преимущественно рассматривали юридические права московиток в отношении имущественных притязаний с супругами и детьми, т.е. с той семьёй, в которую женщина "приходила" после замужества и с которой имела родственную связь исключительно благодаря рождённому в браке детям.

В этой работе автор намерен показать картину юридических взаимоотношений русских женщин в вопросах наследования касаясь тех имущественных аспектов, которые московитки решали со своими родственниками по крови (родителями, братьями и сёстрами), т.е. представителями той семьи, из которой "выходила" женщина, в которой она родилась и воспитывалась.

Путём анализа исторических источников мы можем подтвердить тот факт, что о юридических правах и обязанностях женщин Московии второй половины XVII века говорится на протяжении всех глав Соборного уложения 1649 года, и само положение женщины в патриархальном обществе Московии носит не столь безликий характер, как пытаются представить это Н.И.Костомаров, А.Олеарий и другие. Женщины играли важную социальную роль в обществе, поскольку, являясь матерями семейств, они закладывали собой социальную и правовую общественную ячейку – семью как социально-этнографический институт.

Т.Н. Мальковская в своей работе "Семья и власть в России XVII – XVIII столетий" подчёркивает тот факт, что вплоть до XVII века

семьёй фактически руководил род, родовый идеал жизни ограничивал произвол отца. Семьи были крепки родовыми идеалами, и отступление от них было небезопасно и мало возможно.

Мы согласны с мнением Н.Л. Пушкарёвой по поводу того, что русская женщина, воспитываясь в строгих традициях религиозной патриархальной семьи, имела свои точки зрения на окружающую её действительность, но назвать её в полной мере затворницей, заложницей и рабой своего отца, а потом – сына и мужа, мы не можем, разделяя, впрочем, точку зрения Н.И.Костомарова по поводу того, что подобное воспитание сложилось под влиянием восточных течений, пришедших из Византии, и утверждать, что женщина в Московии второй половины XVII века – существо безликое, бесправное, никчёмное, нельзя.

Уже при Алексее Михайловиче появились зачатки демократизации отношения общества к женщине, его жёны пользовались не только его любовью и уважением, но и могли участвовать в придворной жизни, а дочь Софья была блестяще образована, что свидетельствует о скором процессе реформирования российской культуры и быта, в который входило и положение женщины, начавшемся в период регентства Софьи и с успехом проведённый и завершённый Петром I.

Забота родителей в отношении дочерей проявлялась в обучении их «вежеству», сохранении их целомудрия и сборе приданого, которое «разсудной отец» начинает копить сразу же после рождения дочери и в случае её смерти отдаёт на помин души. Приданое являлось в данном случае определённой "разменной монетой", своеобразной "оплатой" дочери за то, что впоследствии, когда она выйдет замуж, она не будет по смерти родителей претендовать на оставленное ими имущество против братьев. В любой московитской семье того времени дочь рассматривалась как "гостья", которая рано или поздно уйдёт жить в другую семью, станет матерью другому роду, поэтому родители, отдавая за неё приданое семье её новых родственников, определённым образом преграждали им путь к претензиям на своё имущество и подчёркивали то, что более дочь не имеет права на наследование, т.к. свою долю она уже получила.

Безусловно, подобное проявление уклада жизни русских девушек существовало в обществе и является непреложным фактом, как и то, что, несмотря на существующие в обществе традиции, замужняя женщина, согласно главе XVII ("О вотчинах", статьи 1, 2, 3) Соборного Уложения 1649 г., могла наследовать имуще-

ство своего отца (если не было братьев) полностью или частично, если братья скончались до смерти отца, но оставили после себя детей, если же братья были живы, она не получала состояния за исключением тех случаев, когда отец по смерти своей приказывал сыновьям выделить сестре "на прожиток". Подобный "прожиток" мог быть пожалован женщине в нескольких случаях:

- в случае неожиданной гибели мужа женщины, когда она оставалась в одиночестве с несовершеннолетними детьми на руках без средств к существованию;

- в случае болезни супруга (как в физическом, так и психическом аспектах), когда женщина опять же оставалась единственной кормилицей в доме;

- в случае наличия у женщины большого количества несовершеннолетних детей и низкого уровня достатка в семье;

- в случае развода с психически больным или ушедшим в монастырь мужем (при этих двух условиях развод допускался) при условии того, что у семьи низкий уровень достатка;

- в случае личного желания наследодателя (отца женщины), который по своей смерти мог оставить юридически оформленную "духовную" грамоту, согласно которой оставлял своей дочери часть имущества несмотря на её социальный статус, уровень достатка и семейное положение.

Если же о "прожитке" умирающий наследодатель не упоминал, то женщина не могла вступать в наследство, поскольку в данном случае действовал принцип: "Сестра при братьях не наследница", и имущество полагалось разделить исключительно между сыновьями умершего.

В случае, когда сестра переживала своих братьев, она получала право унаследовать принадлежащее ей по праву родства с отцом имущество, которое ранее унаследовали братья, **полностью** – если у братьев не было сыновей, и она выделяла племянницам долю по своему желанию и усмотрению, или же **частично** – если у братьев оставались сыновья, с которыми она вступала в совладение.

Если сестра переживала всех братьев, то к наследованию имущества имелись особо оговорённые юридические подробности, которые касались как её личности непосредственно, так и личностей её племянников и племянниц:

- Если умерший брат не оставлял после себя "духовной" грамоты, где всё завещал своим сыновьям не зависимо от их возраста;

- Если у умершего брата не оставалось сыновей, сестра, даже при живой невестке, выступала в роли опекуна его дочерей, поскольку это право ей давало кровное родство с их отцом, а, следовательно, она могла наследовать какую-то часть имущества по этому праву;

- При наличии духовной грамоты умершего брата, где всё имущество он оставлял своим детям, женщина не имела права на наследство даже при отсутствии у брата сыновей.

Несомненный научный интерес вызывает процесс юридических взаимоотношений представителей одного рода с точки зрения как движимого, так и недвижимого имущества. В случае смерти одного из родителей другой являлся его прямым наследником и хозяином всего имущества. Если первым умирал отец, престарелая мать, оставаясь на положении вдовы, которое было очень уважаемо в обществе, могла ещё до своей смерти раздать своим детям определённое движимое имущество. Если это имущество отдавалось только дочерям, мать, играя в этом вопросе доминирующую роль, всё же должна была "посоветоваться" с сыновьями на счёт их согласия или несогласия в этом вопросе. В случае равного разделения движимого имущества между всеми детьми подобный "совет" требовался с практической точки зрения, дабы оценить для наследников нужность и важность определённых вещей. Подобное разделение не возбранялось, и даже приветствовалось зафиксировать документально, и сейчас среди исторических источников можно встретить подобные юридические бумаги, которые превратились в прообраз описей имущества и приданого в XVIII и XIX веках.

Если пожилые родители (или родитель) были тяжелобольны или недееспособны, сыновья брали на себя заботу о них и уже самостоятельно могли разделить движимое имущество со своими братьями и сёстрами по своему усмотрению. Разделение имущества недвижимого в подобных случаях всё же редко происходило до смерти владельца. Исключение составлял тот момент, когда владелец, будучи тяжелобольным, постоянно проживал в доме у сына, и наследники, апеллируя его недееспособностью, могли официально, с составлением юридических документов, разделить имущество.

В допетровской России "духовные" грамоты составляли не все, поэтому, если и происходили случаи претензий женщины по отношению к братьям на имущество родителей при отсутствии таких завещаний, можно было заведомо знать результат подобных претензий: они провозглашались беспочвенными и неправыми. Именно поэтому, для избежания по-

добных конфликтных ситуаций, уже в 1714 году Пётр Великий издал "Указ о порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах", более известный, как "Указ о единонаследии", в котором предлагает для избежания конфликтных ситуаций и многолетних судебных тяжб наследодателям оставлять после себя "духовные" завещания, в которых должно быть указано имя воспреемника.

К сожалению, в допетровской России конфликтные ситуации между наследниками были нередки, и случалось даже такое, что сыновья не всегда могли отдать сестре её долю имущества даже при наличии "духовной" грамоты, оставленной отцом, и в этом случае женщина имела право обратиться в суд.

Единственным возможным случаем полного унаследования как движимого, так и недвижимого имущества женщиной было отсутствие у неё братьев или их смерть в раннем возрасте, когда они ещё не успевали обзавестись собственными семьями. Тогда женщина в одиночку (если была единственной дочерью) или вместе с сёстрами наследовала родительское имущество, но тогда значительную роль играло старшинство дочерей в семье, поскольку старшая сестра получала определённого рода преимущество (не учитывающееся юридически, разумеется) при распределении имущества между наследницами.

Таким образом, отвечая на главный вопрос, поставленный в работе в отношении юридического права наследования имущества женщиной наравне с братьями во второй половине XVII века, мы можем сделать вывод о том, что подобные явления были нередки в московитском обществе допетровской эпохи, но требовали привлечения различных юридических документов, таких, как "духовные" грамоты или завещания, зафиксированные юридически добровольные соглашения между родственниками в вопросах раздела как движимого, так и недвижимого имущества. Безусловно, что для женщины указанной эпохи существуют серьёзные документальные ограничения в вопросах наследования, но уже сам факт того, что женщина, даже живя в семье мужа и принадлежа, с точки зрения социальной и этнографической, его роду, могла наследовать состояние родителей вместе с братьями, является бесспорным показателем начинающейся женской эмансипации, зародившейся во второй половине XVII века и оформившейся окончательно в веке XVIII. Само же положение женщины и её юридические права в семье законодательно защищало Соборное Уложение 1649 г., полностью оберегающее интересы родителей, в том числе – и матери, в семье и в обществе.

Медицинские науки

РИСК ФОРМИРОВАНИЯ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ ПАТОЛОГИИ У ШКОЛЬНИКОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Галактионова М.Ю., Чистякова И.Н.

*Красноярский государственный
медицинский университет
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого
Красноярск, Россия*

В настоящее время существует реальная необходимость активного выявления, углубленного изучения и поиска новых путей профилактики, диагностики и лечения сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ) неинфекционной этиологии у детей, проживающих в различных климатических условиях.

Материалы и методы: Нами проведен первичный скрининг 67 школьников п. Байкит (Эвенкийский АО) и 92 школьников, проживающих в п. Тарко-Сале (Ямало-Ненецкий округ). В качестве группы сравнения были взяты 108 детей аналогичного возраста (от 7 до 16 лет), проживающие в г. Красноярске. Программа обследования включала клинический метод, антропометрию; измерение АД со-

гласно рекомендациям ВОЗ; регистрацию ЭКГ по общепринятой методике; кардиоинтервалографию с клиноортостатической пробой.

Результаты и обсуждение: Клиническая характеристика детей, проживающих в экологических условиях Крайнего Севера, показала, что у них существенно чаще, чем у красноярских школьников отмечались нарушения сна, утомляемость, эмоциональная лабильность. Функциональное состояние сердечно-сосудистой системы у школьников-северян характеризовалось более высоким уровнем АД по сравнению со школьниками, живущими в средних широтах (в среднем выше САД на 10,85 мм рт.ст., ДАД на 6,20 мм рт.ст.; $p < 0,05$). Повышенный уровень АД регистрировался у 10,7% северян и у 12,0% красноярцев, артериальная гипотензия выявлена соответственно у 6,9% и 7,7% школьников. Средние показатели ЧСС у детей, проживающих в п. Байкит составили $83,56 \pm 2,87$ уд/мин, в п. Тарко-Сале $84,27 \pm 2,45$ уд/мин, у красноярских школьников $78,26 \pm 4,96$ уд/мин. Среди детей-северян чаще выслушивался систолический шум в области сердца функционального характера (69%